

После возвращения старейшины горы Юньцзянь долго осматривали Цинь Фэна, но так и не смогли понять, что с ним стряслось. Это не было похоже ни на болезнь, ни на одержимость — юноша просто спал глубоким, безмятежным сном.

В конце концов Чу Ханьюэ велели забрать ученика к себе и понаблюдать за ним пару дней, пока старейшины будут искать решение.

Глядя на неподвижно лежащего Цинь Фэна, Чу Ханьюэ чувствовал, как сердце его сжимается от тревоги. Раскаяние жгучим ядом разливалось в груди: не стоило брать мальчишку с собой. Цинь Фэн еще так слаб, он совсем ничего не смыслит в магии, как же он, наставник, посмел подвергнуть его такой опасности?

— Наставник, не терзайте себя, возможно, он очнется уже завтра, — попытался утешить его Цяо Цяньли. — Идите отдохните, я присмотрю за ним.

Чу Ханьюэ устало потер лоб.

— Сообщи мне сразу, если что-то изменится.

Он решил отправиться в мир сновидений и расспросить Бессмертного почтенного. Раз уж тот сумел совладать с демоном в лесу, то наверняка знает, что случилось с его учеником.

Лишь погрузившись в глубокую медитацию, Чу Ханьюэ вспомнил: солнце только-только скрылось за горизонтом. Откуда в такой час в его сне взялся Бессмертному почтенному?

Впрочем, до темноты оставалось недолго, и он решил подождать прямо там. Чу Ханьюэ взмахнул широким рукавом, и перед ним возникла золотистая прозрачная преграда. Поверхность её, подобно водной глади, пошла мягкой рябью.

Сквозь этот заслон Чу Ханьюэ прошел в ту версию горы Юньцзянь, что существовала в их с Цинь Фэном общем сне. Здесь уже воцарилась ночь, а в их маленьком доме уютно теплился свет.

Сердце Ханьюэ радостно дрогнуло. Он и думать забыл, почему Почтенный явился так рано, и поспешил к дому. Когда он распахнул дверь, Цинь Фэн сидел у стола и увлеченно мастерил маленькую деревянную лошадку.

Заметив гостя, он с гордостью указал на плод своих трудов:

— Вот, от нечего делать решил смастерить игрушки для детей. Как думаешь, неплохо вышло?

Чу Ханьюэ коротко кивнул, не в силах разделять его праздное настроение.

— Почтенный, сейчас не до этого. У меня к вам важное дело. Мой ученик... он попал вместе со мной в иллюзию того демона и теперь не может очнуться. Как мне его спасти?

Цинь Фэн небрежно отмахнулся:

— Пустяки. Захочет — проснется. Иди-ка лучше сюда, посмотри. Я весь день возился. Если одобришь, сделаю вторую такую же, а то дети, чего доброго, подерутся.

Чу Ханьюэ нехотя подошел и склонился над столом. Работа и впрямь была тонкой: голова лошадки казалась почти живой, а слой свежего лака придавал ей благородный блеск. Видно было, что мастер вложил в дело всю душу.

— Хорошо, очень красиво, — кивнул Чу Ханьюэ, хотя мысли его всё еще витали вокруг спящего наяву юноши. — Мне нужно вернуться и проверить его. Если всё будет в порядке, я снова приду.

Он уже развернулся, чтобы уйти, как вдруг перед глазами мелькнула черная тень. Не успел он моргнуть, как чьи-то пальцы стальным обручем сомкнулись на его горле.

Чу Ханьюэ издал приглушенный хрип. Незнакомец рывком оторвал его от пола. Воздух перестал поступать в легкие, в глазах потемнело. Он попытался ударить врага, но тело его словно заледенело — воля противника сковала каждое движение.

Убедившись, что жертва полностью в его власти, мужчина чуть ослабил хватку, но руки от шеи не убрал. Боль немного отступила, и Чу Ханьюэ наконец смог рассмотреть лицо нападавшего. Оно было ослепительно прекрасным, но эта красота пугала.

— Кто ты такой?.. — прохрипел Ханьюэ. — Как ты пробрался в наш сон?

Мужчина не удостоил его ответом. Он обратился к Цинь Фэну, чей взгляд был по-прежнему прикован к деревяшке:

— Отдай мне свою божественную силу, и я оставлю его в живых.

Цинь Фэн лишь мельком взглянул на него и продолжил строгать дерево, даже не шелохнувшись, чтобы спасти супруга.

— Бессмертный почтенный Шаошан... — протянул он. — И не лень же тебе было тащиться за нами в такую даль. Прямо до самого дома выследил.

Шаошан, видя его полное безразличие, насмешливо прищурился:

— Поистине, мужчины — существа переменчивые и холодные. Тебе совсем плевать на его жизнь?

— Можно подумать, ты сам не мужчина, — Цинь Фэн усмехнулся. — Хочешь убить — убивай. К чему эти долгие речи?

— Слышал? Он сам велит мне прикончить тебя, — Шаошан с притворным сочувствием заглянул в лицо Чу Ханьюэ. — И ты всё еще веришь ему?

Чу Ханьюэ смотрел на него с ледяным спокойствием, несмотря на удушье.

— С таким-то умишком — и в боги?.. Мы в мире сновидений. Если я умру здесь, то просто проснусь в своей постели. Смерть во сне не означает смерть наяву.

— В точку! — Цинь Фэн даже захлопал в ладоши. — Сразу видно — моя нянцзы.

Ханьюэ одарил его таким взглядом, что тот мгновенно прикусил язык.

Насмешки больно ударили по самолюбию Шаошана. Ярость закипела в нем, и пальцы на горле Чу Ханьюэ сжались с новой силой.

— Пусть так! Но я могу убить его и в реальности. А вот ты... ты заперт здесь и не сможешь его защитить.

Цинь Фэн снова рассмеялся:

— Дай угадаю. Ты надеялся запереть меня во сне, чтобы похитить мою силу, но обнаружил, что, пока мой дух здесь, сила следует за ним. Убьешь его — потеряешь единственный путь ко мне. И то, к чему ты стремишься, никогда не исполнится.

— Ты ведь знал, что чай, который он тебе поднес, отравлен. Почему же ты выпил его? — процедил Шаошан.

— Если бы у него самого не было желания удержать меня, твоя магия была бы бессильна. Ты лишь раздул это пламя в его душе до небес, верно? — вопросом на вопрос ответил Цинь Фэн.

— Всё так. Но почему ты не сопротивлялся? — Шаошан, всю жизнь проживший в неволе и оковах, не мог понять, как можно добровольно пойти в ловушку.

— О чем вы вообще говорите? — Чу Ханьюэ нахмурился. Те воспоминания были стерты из его памяти подчистую.

— Быть человеком скучно, а богом — еще скучнее. Лишь рядом с ним дни обретают смысл, — Цинь Фэн с нежностью и обожанием посмотрел на Ханьюэ. — Раз он хочет, чтобы я всегда был рядом... что ж, я останусь.

— Почтенный... — прошептал Чу Ханьюэ. Он не знал сути их спора, но странная, щемящая нежность коснулась его сердца.

Шаошана едва не вывернуло наизнанку от их нежностей.

— Раз ты так его любишь, я не стану его убивать. Я буду пытаться его на твоих глазах. И буду делать это до тех пор, пока ты не взмолишься о пощаде и не отдашь мне всё до последней капли.

Шаошан уже собирался оттащить пленника прочь, как вдруг ощутил чудовищную, подавляющую мощь. Воздух вокруг стал плотным, как свинец, не давая вздохнуть. Эта сокрушительная сила исходила... из живота Чу Ханьюэ.

Все трое застыли в оцепенении, не в силах оторвать взглядов от плода, сокрытого под одеждами Ханьюэ.

<http://bllate.org/book/17570/1659970>